

Личное дело

Дина Уайт

18+

Дина Уайт
Личное дело

«Автор»

2026

Уайт Д.

Личное дело / Д. Уайт — «Автор», 2026

Максим Климов мечтал о тишине. После ранения, развода и запоя он устроился кадровиком на оборонный завод — переключать бумажки и ни о чём не думать. Но бумаги заговорили. Сначала — мелкие нестыковки в приказах. Потом — люди, которых нет ни в одной базе. Потом — военный контракт, бракованные детали и те, кто попытался это остановить. Теперь Максим — единственный, кто может восстановить цепочку. Потому что только кадровик видит организацию целиком. И только он знает: неправильно оформленный приказ убивает вернее пули.

Дина Уайт

Личное дело

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог

Глава 1. Испытательный срок

Глава 2. Люди и бумаги

Глава 3. Журнал

Глава 4. Нестыковки

Глава 5. Контракт 14/641

Глава 6. «Берёзка»

Глава 7. Допуски

Глава 8. Ожидание

Глава 9. Возвращение

Эпилог

Пролог

За три месяца до того, как всё началось

Ключ повернулся в замке с тихим, сытым щелчком. Хороший замок, дорогой — не чета тем, что Максим вскрывал когда-то монтировкой в коммуналках.

Здесь не коммуналка. Охраняемый подвал архивного корпуса, белые стены, лампа дневного света, пахнет бумагой и чем-то химическим — не то клей для корешков, не то отравка для мышей. На двери табличка: «Архив. Посторонним вход воспрещён». Максим не посторонний. У него в удостоверении написано: «Ведущий специалист отдела кадров». Фотография трёхмесячной давности, подпись генерального, синяя печать «Импульс-Техно». Всё честно.

Он вошёл.

Архив был пуст. Стеллажи с папками уходили в потолок, как книжные полки в библиотеке, которую никто не посещает.

Здесь хранились приказы за двадцать лет: приёмы, увольнения, перемещения, взыскания, больничные, командировки. Тысячи жизней, упакованных в картон и скоросшиватели. «Личное дело прекращается со смертью», — гласила инструкция. Но они не умирали. Они просто оседали здесь, как ил на дне колодца.

Максим прошёл в дальний угол. Шаги гулкие, как в церкви. Нужный стеллаж — третий ряд, полка «Приказы за 2024 год, ноябрь». Он снял папку, раскрыл. Приказы были подшиты ровно, один к одному. Номер 487-к, 488-к, 490-к.

489-го не было.

Он пролистал назад. Потом вперёд. Аккуратно, будто боялся спугнуть. Дыра в нумерации зияла ровно и чисто — будто приказ изъяли, а соседние листы сдвинули, чтобы никто не заметил. Кто-то знал, что на пропуск в нумерации могут обратить внимание не раньше чем через год, во время инвентаризации. И этот кто-то не рассчитывал, что в кадры придёт человек, который двадцать минут назад заметил несовпадение в электронной базе и поленился списать на сбой.

Максим закрыл папку. Сунул её на место. Постоял, глядя на ровные корешки, потом выключил свет и вышел. Замок снова щёлкнул — сыто, довольно.

В коридоре он остановился. Достал телефон. Набрал номер, который не набирал два года. — Алло? — Голос в трубке был сонный, недовольный.

— Кость, привет. Слушай, ты же в прокуратуре по-прежнему?

— Макс? Ты чего в час ночи?

— Скажи, ты когда-нибудь слышал, чтобы человека увольняли задним числом после того, как он уже исчез?

Трубка помолчала.

— В каком смысле «исчез»?

— В прямом. Приказа нет, записи нет, человека нет. Как будто никогда не работал.

— Макс, ты где?

— На работе, — сказал он. — Просто на работе.

Максим убрал телефон в карман и пошёл к лестнице. Он ещё не знал, что через три месяца найдёт в этом же архиве другую дыру — приказ № 417, договор Горелова, записку Колесниковой. Не знал, что приказ № 489 был только началом, первой каплей в море нестыковок. Но уже тогда, в час ночи, под жужжание ламп, он почувствовал: что-то здесь не так. И это «не так» гораздо больше, чем один пропавший документ.

Глава 1. Испытательный срок

Четырьмя месяцами ранее

Августовское солнце плавало асфальт. В кабинете на втором этаже административного корпуса было душно, как в теплице — кондиционер сдох ещё в июне, а заявка на ремонт где-то гуляла по инстанциям. Максим сидел за столом, застеленным серым казённым пластиком, и заполнял трудовую книжку. Свою собственную.

«Принят на должность ведущего специалиста отдела управления персоналом...»

Ручка дрогнула. Он поставил точку, отложил книжку в сторону. Соседний стол пустовал — сотрудница, с которой ему предстояло делить кабинет, ушла в отпуск. Он пока знал о ней только имя: Елена Кравец, 28 лет, специалист отдела кадров. На стене возле её стола висела фотография: девушка с тёмными волосами и острым взглядом держит в руках сертификат «Лучший работник месяца». Глаза смеются, но уголки губ — нет. Словно она понимала, что «лучший работник» на этом заводе — награда сомнительная.

Максим встал, подошёл к окну. Из окна открывался вид на проходную и кусок территории завода: серые корпуса цехов, трубы котельной, ржавые контейнеры, стоянка для погрузчиков. За забором — поле, за полем — лесополоса, за лесополосой — ничего. Город N находился в тридцати километрах от областного центра, и это было заметно. Глухомань. Но Максим выбрал это место сам.

После отставки он полгода не работал. Сначала — больница, реабилитация, комиссия, которая признала его годным к гражданской службе с ограничениями. Плечо зажило, но рука всё ещё слушалась не до конца: иногда немели пальцы, иногда по ночам простреливала боль. Врачи говорили — пройдёт. Врачи много чего говорили.

Потом были четыре месяца запоя. Тихие, уютные, почти без скандалов — он пил один, в съёмной квартире, зашторив окна. С женой к тому моменту уже разошлись, дочь видела его раз в две недели по выходным. В один из таких выходных она спросила: «Папа, а почему от тебя пахнет лекарством?» Он не нашёлся что ответить. Через неделю завязал. Просто проснулся утром, вылил остатки в раковину и больше не прикасался. Два года в завязке — он считал каждый месяц, как скупой считает монеты.

Работу искал долго. Сначала по привычке совался в ЧОПы, в службы безопасности — там его встречали с распростёртыми объятиями, но он чувствовал: это та же система, только вид сбоку. Не хотелось. Хотелось чего-то тихого, бумажного,

безопасного. Чтобы никто не звонил в три ночи. Чтобы не надо было выезжать на труп.

Вакансия в отделе кадров «Импульс-Техно» подвернулась случайно — бывший коллега сказал, что на заводе «кадровик ушёл в запой и не вернулся, нужен надёжный человек». Максим усмехнулся про себя. Пришёл на собеседование.

Генеральный директор, грузный мужчина с одышкой и фамилией Гребнев, долго вертел в руках его резюме.

— Опер уголовного розыска... А чего к нам? Денег мало, работа скучная.

— Мне скучная подходит.

— Не запьёшь?

— Не запью.

Гребнев хмыкнул, подписал заявление. Видимо, прежний кадровик оставил глубокую травму.

Так Максим оказался здесь — в кабинете 204, за столом, пахнущим чужой пылью, с фикусом по имени Фёдор и компьютером, который загружался ровно четыре минуты.

Первые недели были тихими.

Он осваивал «1С:Зарплата и управление персоналом». Интерфейс поначалу казался лабиринтом: вкладки, подвкладки, кнопки, выпадающие списки, журналы, реестры. Но Максим быстро понял, что это та же оперативная работа, только вместо людей — документы. Каждый приказ — чей-то след.

Каждая запись в трудовой — чей-то выбор. Уволить, принять, переместить, премировать, депремировать, отправить в отпуск, отозвать из отпуска, наложить взыскание, снять взыскание. За каждым движением бумаги стоял человек — но этих людей он не видел. Видел только фамилии.

Он начал с ревизии. Просто чтобы занять руки и голову. Взял электронную базу и стал сверять с бумажными приказами за последние полгода. Поначалу всё сходилось. Приказы были подшиты ровно, пронумерованы, подписаны. Сотрудники появлялись и исчезали, как положено: приём, испытательный срок, перевод, увольнение. Жизнь завода, разложенная по папкам.

Но где-то на третьей неделе он заметил странность.

Это была мелочь. Несовпадение дат в приказе № 487-к: в электронной базе стояло 12 ноября, в бумажной версии — 14 ноября. Два дня разницы. Ошибка? Вполне. Делопроизводитель мог опечататься, специалист мог не проверить. Максим сделал пометку в блокноте и пошёл дальше.

Через несколько дней — ещё одна. Номер приказа был пропущен: 489-й отсутствовал и в базе, и в бумажном архиве. После 488-го сразу шёл 490-й. Максим проверил журнал регистрации — там 489-й был, но запись оказалась замазана корректором, а сверху вписана другая. Под слоем белил угадывалась какая-то фамилия — он пытался разобрать, но не смог.

— Плюньте, — сказала Лена, когда он спросил её об этом. Она уже вернулась из отпуска и теперь сидела за соседним столом, листая журнал «Учёт рабочего времени». — Тут половина приказов с ошибками. Делопроизводитель — тётка старая, Людмила Петровна, у неё зрение минус семь и характер минус десять. Она вечно путает даты.

— А пропущенные номера? Приказ есть в журнале, а в архиве нет.

— Бывает. Списать могли, уничтожить по акту, а в базе забыли поправить. Бюрократия. Максим кивнул. Но спустя пару дней проверил акты об уничтожении документов. Приказа № 489 там не было.

Он ничего не сказал Лене. Просто сделал ещё одну пометку в блокноте.

Август сменился сентябрём. Дожди размыли грунтовые дороги между цехами, завод погрузился в серую морось. Максим втянулся в работу: собеседования, приказы, отчёты для налоговой, сверки с бухгалтерией. Он узнал, что «Импульс-Техно» — предприятие особенное: гражданские заказы шли вперемешку с военными, часть продукции имела гриф «для служебного пользования», а некоторые цеха были закрыты для посещения без отдельного допуска.

Его стол постепенно обрастал чужими судьбами. Вот водитель погрузчика, который попался пьяным и был уволен по статье — Максим сам готовил приказ, и водитель,

пожилой мужик с трясущимися руками, стоял перед ним и молча плакал. Вот молодая женщина, которую не брали в инструментальный цех, потому что «баба на производстве — к беде»; Максим не мог изменить решение начальника цеха, но запомнил её лицо. Вот парень, которого переводили из отдела в отдел, как передают надоевшую вещь — никто не хотел с ним работать, а причина была проста: он отказался участвовать в каких-то левых откатах.

Лена оказалась не такой колючей, как выглядела на первый взгляд. Она знала завод досконально, могла по номеру табеля сказать, кто где работает, у кого день рождения и кто в каком году уходил в декрет. Максим уважал профессионалов. Лена, кажется, уважала его — за то, что не

лез с глупыми вопросами и не пытался за ней ухаживать.

— Вы странный, Максим Романович, — сказала она как-то за чаем. — Обычно кадровики либо тётки предпенсионные, которые ждут пенсии и ненавидят людей, либо молодые девочки, которые пришли замуж. А вы — ни то ни другое.

— Я пришёл за тишиной.

— Ну-ну. Тишина на оборонном заводе. Звучит как начало анекдота.

Она улыбнулась. Он вдруг поймал себя на том, что улыбается в ответ — впервые за долгое время.

———

Они стали обедать вместе.

Это вышло само собой — никто не предлагал, никто не договаривался. Просто однажды в обеденный перерыв Максим вышел из кабинета и столкнулся с Леной в коридоре. Она несла из столовой два пластиковых контейнера.

— Вы опять пропустите обед, — сказала она. — У вас лицо серое.

— Я не голоден.

— Это не аргумент.

Она сунула ему в руки контейнер с гречкой и котлетой и пошла дальше. Он постоял, посмотрел на контейнер и вернулся в кабинет. Они съели обед молча, каждый за своим столом. На следующий день повторилось то же самое. Через неделю это стало привычкой.

Иногда они говорили. Не о работе — о жизни. Вернее, Лена говорила, а Максим слушал. Он узнал, что она приехала в город N шесть лет назад — после развода, с одним чемоданом и нулевым счётом на карте. Устроилась на завод, потому что больше было некуда. Думала: на год, максимум два. А осталась на шесть.

— Знаете, что самое страшное? — сказала она однажды, размешивая сахар в чае. — Привыкаешь. Сначала говоришь себе: это временно. Потом — ну, ещё полгода. А потом просыпаешься утром и понимаешь: ты уже часть этого места. Со всеми его правилами, страхами и молчанием.

— Почему не ушли?

— А куда? — Она усмехнулась. — Там, — она кивнула на окно, за которым серой глыбой лежал завод, — хотя бы понятно. А снаружи — неизвестность. Я боюсь неизвестности, Максим Романович. Глупо, да?

— Нет, — сказал он. — Не глупо.

Он мог бы рассказать ей про свой страх — про то, как после ранения боялся не справиться, как после запоя боялся каждого трезвого утра, как до сих пор боится звонить дочери, потому что не знает, что сказать. Но не рассказал. Пока.

К концу октября у Максима в блокноте скопилось одиннадцать пометок. Одиннадцать мелких несовпадений между электронной базой и бумажным архивом. По отдельности каждая была ерундой: где-то дата сдвинута, где-то номер пропущен, где-то фамилия в приказе не совпадает с табельным номером. Но вместе они складывались в картину, которая беспокоила его всё сильнее.

Он засиживался допоздна. Лена, уходя, качала головой:

— Вы так и до ночи будете копать?

— У меня испытательный срок. Не хочу провалить.

На самом деле он просто не мог уйти, не проверив очередную зацепку. Старая привычка: пока не закроешь все концы — не спишь.

Однажды вечером, когда за окном уже стемнело, а лампы дневного света гудели особенно тоскливо, он наткнулся на кое-что посерьёзнее.

Список сотрудников, уволенных за последние два года. Он сравнивал его со списком уволившихся — и обнаружил трёх человек, которые числились уволенными, но ни в одном приказе об увольнении не фигурировали. Их просто не было в приказах. Зато были записи в трудовых книжках — он проверил копии, хранившиеся в личных делах. Кто-то внёс запись в трудовую, но не создал приказ в базе. Или создал, а потом удалил.

Трое. Двое мужчин, одна женщина. Разные цеха, разные должности. Объединяло их одно: все трое работали в подразделениях, связанных с военной приёмкой.

Максим закрыл папку. По спине пробежал холодок — не от сквозняка. Он узнал это чувство. Именно так начиналось в уголлке: с мелочи, с нестыковки, с чепухи, на которую нормальный человек не обратил бы внимания. А потом она вырастала в дело.

Он достал мобильник. Набрал номер Кости — бывшего коллеги, который перевёлся в областную прокуратуру.

— Алло?

— Кость, привет. Не спишь?

— Макс? Ты чего? Что-то случилось?

— Слушай, ты когда-нибудь сталкивался с оборонными заводами? Ну, в плане проверок, документации?

— Было пару раз. А что?

— У вас есть доступ к базам по трудовому учёту? Можешь пробить несколько фамилий?

Пауза в трубке. Потом Костин голос, уже тише и серьёзнее:

— Макс, ты куда опять влез?

— Пока никуда. Просто проверяю. Фамилии скину в мессенджер.

— Ты же на гражданке теперь. Кадровик. Сиди и не высывайся.

— Я и не высываюсь. Просто... любопытно стало.

Он нажал отбой, посмотрел на экран. Потом перевёл взгляд на фотографию Лениного сертификата. «Лучший работник месяца».

Интересно, подумал он, лучший работник — это тот, кто хорошо делает свою работу? Или тот, кто хорошо делает вид?

Он выключил компьютер, надел куртку и вышел в тёмный коридор. Уже у двери он остановился и вернулся к столу. Открыл блокнот, дописал внизу мелким почерком: «Проверить

всех уволенных за два года. Сверить с базой. Начать с сентября». Потом, подумав, добавил: «Не спать».

И только после этого вышел. Лампы погасли одна за другой, оставив его в полумраке. Где-то на проходной охранник слушал радио. Хриплый голос пел про ноябрь и серые дома.

Завтра будет новый день. И новый приказ, который, возможно, окажется не на своём месте.

Глава 2. Люди и бумаги

Сомов пришёл в понедельник.

Утро не задалось с самого начала. С вечера на город N обрушился ливень, и к утру все подступы к заводу превратились в грязевые реки пополам с прошлогодней листвой. Максим добирался на маршрутке, которая застряла у шлагбаума, пропускающая колонну военных «Уралов». Он опоздал на пятнадцать минут и ожидал, что Лена встретит его едким замечанием, но в кабинете было непривычно тихо.

Лена стояла у окна и смотрела, как дождь хлещет по стеклу. В руках она держала кружку с чаем, но чай, судя по цвету, остыл уже давно.

— Там человек к вам, — сказала она, не оборачиваясь. — Ждёт в коридоре с семи утра. Я сказала подождать, потому что вы всё равно до восьми не приходите. Он ждал. Стоял под дверью.

— Что за человек?

— Сомов. Михаил Степанович. Начальник инструментального цеха. — Она наконец повернулась. — У него что-то случилось. Он не говорит что, но вид... В общем, сами увидите.

Максим повесил мокрую куртку на спинку стула, пригладил волосы и открыл дверь в коридор.

Сомов сидел на деревянной скамье у стены — той самой, на которую обычно пристраивали соискателей перед

собеседованием. Он был одет в рабочую робу, хотя понедельник — день планёрок, в этот день начальники цехов обычно ходят в костюмах. Кепка лежала на коленях. Руки, сложенные поверх, были спокойны, но Максим заметил, что пальцы Сомова мелко подрагивают — так дрожат руки у очень уставших или очень испуганных людей.

— Михаил Степанович? Проходите.

Сомов поднялся тяжело, по-стариковски, хотя был ещё не стар — просто устал до дна. Вошёл в кабинет, сел на предложенный стул и долго молчал. Лена деликатно вышла, пробормотав что-то про кофе.

— Я не знаю, с чего начать, — сказал Сомов наконец. — Я тридцать два года на заводе. Всякое видел. А такого — не видел.

— Начните с начала.

Сомов кивнул, пожевал губу.

— У меня ученик. Александр Горелов. Двадцать шесть лет. Взял его в прошлом сентябре, парень толковый, руки золотые. Женат, дочка маленькая. В пятницу он отработал смену, переоделся, сказал: «До понедельника, Михалыч». И всё. В понедельник не вышел. Я позвонил — телефон отключён. Я подумал — заболел. Во вторник тоже не вышел. Я к мастеру, мастер к начальнику участка — никто ничего не знает. Пошёл в отдел кадров, к вам то есть, а мне говорят...

Он осёкся и полез во внутренний карман робы. Достал сложенный вчетверо листок бумаги — распечатку из базы.

— Вот. Мне девочка ваша дала, ну, Лена которая. Она попробовала найти. И не нашла. Ничего. Вообще.

Максим взял распечатку. На ней было несколько строк: поисковый запрос «Горелов Александр», дата, время — и ответ системы: «Сотрудник с указанными данными не найден».

Он перевернул листок, хотя на обороте ничего не было. Старая оперская привычка — никогда не верить бумаге до конца.

— Вы сами его на работу принимали? — спросил Максим.

— Я давал заявку в отдел кадров. Мне нужен

был ученик. Пришёл Саша, я с ним поговорил, он мне понравился. Я написал служебную записку на имя начальника отдела кадров — ну, не вашего, прежнего, который до вас был. И всё. Через неделю Саша вышел в цех. Оформили, пропуск сделали, табельный номер дали. Всё как положено.

— Табельный номер помните?

— 1147.

Максим развернулся к компьютеру. Ввёл номер. Система подумала и выдала: «Не найден».

— А служебная записка? Вы копию себе оставляли?

— Оставлял. Дома посмотрел — нету. Я все бумаги храню, у меня порядок, а этой — нет. Будто и не писал.

Максим откинулся на спинку стула. В кабинете было тихо, только дождь барабанил по подоконнику. Тридцать два года стажа у Сомова — это серьёзно. Такие люди просто так не приходят и не говорят, что «всякое видел, а такого — нет».

— Михаил Степанович, я проверю, — сказал он. — Пока ничего не обещаю. Но проверю лично.

Сомов поднял на него глаза. В них стояло то, что Максим хорошо помнил по уголовке: надежда, которая боится себя назвать.

— Ты проверь, сынок. Пожалуйста. У него дочке год.

Он встал и вышел. Дверь закрылась мягко, почти беззвучно.

—

После обеда Максим спустился в архив.

Архив завода располагался в подвале административного корпуса. Чтобы попасть туда, нужно было пройти мимо охраны, спуститься по лестнице, миновать длинный коридор, заставленный старыми шкафами, и открыть железную дверь с табличкой «Архив. Посторонним вход воспрещён». Ключ от этой двери был у Максима и у Лены — им выдали его в первый рабочий день как сотрудникам отдела кадров.

В архиве пахло сыростью и старой бумагой. Под потолком гудела лампа дневного света, заливая помещение мертвенным зеленоватым светом. Стеллажи уходили в глубину подвала, как книжные полки заброшенной библиотеки. Здесь хранились приказы, трудовые книжки уволенных, личные дела, акты, протоколы — вся история завода за двадцать с лишним лет.

Максим нашёл нужный стеллаж: «Приказы о приёме на работу. Сентябрь прошлого года». Папка была на месте — тяжёлая, разбухшая от бумаг. Он снял её, положил на стол и начал листать.

Приказ № 412-к. 413-к. 414-к.

Между 416-м и 418-м не хватало одного.

Он проверил ещё раз. Потом ещё. Приказ № 417 отсутствовал — но не был вырван. Кто-то аккуратно расшил папку, изъясил лист и сшил заново, сдвинув соседние документы. Если бы Максим не считал номера подряд, он бы не заметил. Слишком чистая работа. Слишком аккуратная.

Он вернул папку на место и достал соседнюю: «Трудовые договоры. Сентябрь прошлого года». Горелов, Горелов... Буква «Г» заканчивалась быстро. На фамилии «Горбунов» листы

обрывались. Дальше шёл «Григорьев». Никакого Горелова между ними не было и быть не могло — но в реестре договоров значился номер, под которым должен был идти именно Горелов. Номер был. Договора не было.

Максим прислонился к стеллажу. В подвале было тихо, только лампа гудела. Он думал.

Удалить человека из электронной базы может сотрудник отдела кадров. Для этого нужен доступ и немного знаний — убрать запись из таблицы, поправить пару полей. Технически несложно. Но изъять бумажный приказ из прошитой папки, снять копию трудового договора, убрать запись из реестра — это требует времени, усилий и главное: полной уверенности, что никто не заметит. Кто-то делал это без спешки, методично, зная, что проверки не будет. И этот кто-то обладал ключом от архива.

Ключей было два. У него и у Лены.

Когда он вернулся в кабинет, Лена сидела за своим столом, но не работала — просто смотрела в монитор отсутствующим взглядом. Перед ней стояла та же кружка с остывшим чаем.

— Ну что? — спросила она, не оборачиваясь.

— Нет приказа. И договора нет. Как будто и не было человека.

Лена кивнула — медленно, будто ожидала именно этого.

— Я, когда Сомову распечатку делала, ещё кое-что проверила, — сказала она. — В журнале регистрации пропусков. Знаете, электронная система на проходной, она фиксирует каждый вход и выход по пропуску. Так вот: Горелов в пятницу вышел с завода в 16:12. Всё как Сомов сказал. А в

понедельник... — она повернулась к нему. — Его пропуск был аннулирован. В пятницу вечером. В 20:43. Через четыре часа после того, как он ушёл.

Максим сел за свой стол. Открыл блокнот. Одиннадцать пометок превратились в двенадцать.

— Кто имеет право аннулировать пропуск? — спросил он.

— Отдел кадров. Служба безопасности. Генеральный директор. Ну и прямой начальник сотрудника может подать заявку, но это долго — заявка идёт к нам, потом к безопасности, потом в бюро пропусков... Это несколько дней занимает. А тут — четыре часа. Значит, кто-то из тех, у кого прямой доступ.

— У кого прямой доступ к базе пропусков?

Лена помолчала. Потом сказала:

— У нас. И у службы безопасности.

Максим кивнул. Он думал о том, что система пропусков — это не просто турникет. Это цифровой след. Каждый вход, каждый выход, каждая аннулированная карточка оставляет запись. И эту запись тоже можно удалить. Но не сразу — бэкапы, логи, дублирующие серверы. Кто-то, кто аннулировал пропуск Горелова, либо не знал об этом, либо спешил. Либо хотел, чтобы запись осталась — как послание.

Он не стал делиться этой мыслью с Леной. Пока.

Остаток недели прошёл буднично. Максим занимался текучкой: готовил отчёт по вакансиям для службы занятости, оформлял перевод трёх человек из одного цеха в другой, подшивал бумаги. Он старался не думать о Горелове, но мысль возвращалась, как вода к одному и тому же месту в плотине.

В среду он зашёл в бухгалтерию — нужно было сверить данные по зарплатным ведомостям. Бухгалтерия находилась на первом этаже, кабинет был большой и светлый, в нём пахло

бумагой и женскими духами. Главбух, Галина Петровна, женщина лет пятидесяти в вязаной кофте, встретила его кивком.

— Климов? Заходи. Тебе за какой месяц?

— Сентябрь прошлого года. И октябрь. Мне бы ведомости по инструментальному цеху.

Галина Петровна удивилась — сентябрь прошлого года был давно закрыт и сдан в архив, — но спорить не стала. Через полчаса Максим сидел в углу бухгалтерии за свободным столом и листал пожелтевшие ведомости.

Инструментальный цех. Табельный номер 1147. Вот он: Горелов А.В., ученик токаря. Оклад, премия, удержания — всё как у всех. Ведомость за сентябрь подписана начальником цеха, бухгалтером и самим Гореловым — подпись была размашистая, юношеская, с завитком на конце. В октябре — то же самое. Ноябрь, декабрь — Горелов исправно получал зарплату. Январь,

февраль, март...

В марте ведомость обрывалась. Точнее, не обрывалась — фамилия Горелова просто исчезла. В феврале была, в апреле уже нет. Март Максим не нашёл — ни в общей папке, ни в архиве бухгалтерии. Галина Петровна развела руками: «Март? Не знаю, может, на пересчёте где-то. У нас в том месяце аванс меняли, всё вверх дном стояло».

Максим вернулся в кабинет и записал в блокнот четырнадцатую пометку. Горелов работал. Получал зарплату. Ставил подпись. Он точно существовал — и не только для Сомова, но и для бухгалтерии.

А потом исчез.

В пятницу Максим решил поехать по адресу, который дал Сомов. Адрес был старый, из черновика служебной записки: Сомов всё-таки нашёл копию в ящике стола, помятую и залитую кофе, но читаемую. Горелов жил на окраине города, в спальном районе, который в народе называли «Китайской стеной» — три длинные девятиэтажки, поставленные в ряд.

Он отпросился у Лены на час раньше, сославшись на визит к врачу, и поехал не на маршрутке, а на такси. Дождь наконец закончился, но небо оставалось низким и тяжёлым. У подъезда, где по всем документам жил Горелов, стояла лужа размером с небольшое озеро. Максим обошёл её и вошёл в подъезд.

Третья квартира на пятом этаже. Дверь была обычная, металлическая, без глазка. Он нажал кнопку звонка. Тишина. Нажал ещё раз — за дверью послышались шаги, потом женский голос спросил: «Кто?»

— Я с завода, — сказал Максим. — Отдел кадров. Можно поговорить?

Дверь приоткрылась. На пороге стояла молодая женщина в домашней кофте, с ребёнком на руках. Девочка, около года, смотрела на Максима огромными синими глазами и сосала пустышку.

— Вы по поводу Саши? — спросила женщина. Голос у неё был усталый. — Проходите. В квартире пахло пелёнками и подгоревшим молоком. На кухне, куда она его провела, стояла немытая посуда и пустая бутылочка для кормления.

— Меня Максим Романович зовут, — сказал он. — Я новый кадровик. Михаил Степанович Сомов очень беспокоится. Говорит, Александр на работе не появляется.

Женщина — её звали Наташа — посмотрела на него долгим взглядом. Потом опустила глаза и тихо сказала:

— Он ушёл.

— Когда?

— Три недели назад. В пятницу. Сказал, что поедет к матери в деревню, помочь с ремонтом. И не вернулся. Телефон отключён. Я матери звонила — он не приезжал.

— В полицию заявляли?

Наташа покачала головой. На глазах у неё выступили слёзы.

— Я хотела. Но потом пришёл человек с завода. Сказал, что Саша уволился, уехал на заработки. Что он мне переводить деньги будет. И переводил — два раза. Я поэтому и не заявляла. Думала, правда уехал.

— Что за человек? — спросил Максим.

— Не представился. Вежливый такой, в костюме. Сказал, из отдела кадров.

У Максима похолодели пальцы. В отделе кадров было два человека. Он и Лена. Никто из них не приходил к Наташе.

— Вы не запомнили, как он выглядел?

— Обычно. Лет сорок, может, чуть за сорок. Волосы тёмные, седые на висках. Глаза светлые. Вежливый очень. — Она помолчала. — И перчатки у него были. Кожаные. Хотя тепло ещё было, август. Я ещё подумала — странно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.